

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ М. КУЗМИНА О В. БРЮСОВЕ

Ключевые слова: лингвистическая поэтика, идиостиль М. Кузмина, риторические приемы, сравнения, эпистолярный жанр.

О взаимоотношениях М. Кузмина и В. Брюсова можно судить по их переписке, по дневниковым записям, поэтическим произведениям, критическим работам. Такой анализ воссоздает механизм интерпретации событий в рамках разных жанровых и стилистических образований, делает кузминский взгляд на В. Брюсова стереоскопичным. В задачи данной статьи также входят идеи сравнить языковую структуру текстов, описывающих этапы взаимодействия поэтов Серебряного века; выявить особенности режимов повествования в дневниковом, эпистолярном, поэтическом и критическом дискурсах. Материалом исследования стали дневниковые записи М. Кузмина; переписка В. Брюсова и М. Кузмина; поэтические послания-акrostихи; некролог В. Брюсову.

Творческие судьбы М. Кузмина и В. Брюсова сложно назвать похожими. В начале XX века В. Брюсов уже был признанным мэтром, а М. Кузмин только вступал на поприще поэта, музыканта, критика и переводчика.

Оба автора вели дневники¹. Заметки о В. Брюсове в «Дневнике М. Кузмина» появляются в январе 1906 года, последние упоминания – в дневниковых записях 1934 года. Развитие отношений инициирует В. Брюсов, который ищет новых авторов для журнала «Весы». 19 января 1906 года В. Брюсов

---

¹ О пограничной функции дневникового текста см.: Н. Богомолов. Дневники в русской культуре начала XX века // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С.201-212.

сообщает С. Полякову: «Поиски “молодых” и “новых” идут очень успешно. <...> нашел весь состав Зеленого сборника², из которых Верховский и Кузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях» [Кузмин 2000:461].

М. Кузмин свое впечатление о В. Брюсове записывает в ряду других событий, произошедших на «Башне» Вяч. Иванова. Всех гостей М. Кузмин максималистски делит на две категории: «знакомые и так». В. Брюсов попадает во вторую группу: «Из знакомых³ мне были <...> Аничков, Сомов, Сенилов, Каратыгин и Нувель, а так – Брюсов, Сологуб, Блок, Ремизов <...>» (18.01.1906) [там же:102]. Первый эпитет, которым наградил М. Кузмин своего будущего учителя – «суровый»: «Габрилович читал длиннейший и скучнейший реферат о “религии и мистике”, профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезали, даже суровый Брюсов пошагал через всю комнату» [там же].

Следующая запись от 20 января содержит пересказ разговора с В. Брюсовым. Диалог с В. Брюсовым передается телеграфным стилем, в форме косвенной речи. М. Кузмин выделяет основные идеи, как бы опуская все лишнее; перед читателем возникает образ ситуации, включающей в себя одновременно и ее описание, и анализ, и оценку: «После обеда отправился к Каратыг <иным>, там были Нувель <...> Брюсов, он очень приличен и не без charmes, только не знаю, насколько искрен. <...> он <...> заявил, что думает, что журнальная деятельность мне менее по душе. Но “Алекс <андрейские> песни” будут в “Весах” не ранее апреля, положим, и если что вздумаю написать, чтобы прислал, и что “Весы” будут мне высылаться. <...> Потом без него еще сидели с Ал<ександрой>рой Николавной. Полина спрашивала Ольгу Никандровну, что, буду ли я петь, и заявила: “Сто сот стоит этот Мих<аил> Ал<ексеевич>, прямо я в него влюбилась”. Дай Бог, чтобы вышло с “Руном” и “Весами”!» [там же:102-103].

Дневник поэта носит фиксирующий характер (во многом похож на записи вахтенного журнала). Язык записей М. Кузмина

---

² В. Брюсов рецензировал данный сборник [Брюсов 1990:133-134].

³ Здесь и далее выделения полужирным сделаны автором статьи – А.Г.

характеризуется синтаксическим «минимализмом». Автор редко выходит за рамки простых предложений, при передаче чужой речи – сложноподчиненных. М. Кузмин останавливается на описании всей ситуации, без стилистического маркирования особо значимых или малозначимых событий. Все факты дня становятся равнозначными, облекаются в форму однородных членов предложения. На упреки друзей, что дневник Антиноя (имя М. Кузмина в обществе «гафизитов») становится «все более однообразным и неинтересным», М. Кузмин отвечает: «Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор!» [Кузмин 2000:186].

М. Кузмину интересно не только думать о своей жизни, не только говорить, но и записывать свои мысли в «автоматическом» режиме, в режиме фиксации подсознательно всплываемых событий дня. В этом смысле структура дневниковой записи резко отличается от структуры писем, прозаических или поэтических высказываний (над техникой стихотворной речи М. Кузмин целенаправленно и долго работал).

М. Кузмин иногда варьирует способы передачи чужой речи: от прямой до косвенной и несобственно прямой. В косвенной речи личные и притяжательные местоимения и лица глагола выражают точку зрения автора, а не говорящего лица; особенности речи говорящего не сохраняются.

Интересно, что слова В. Брюсова собеседник передает косвенной речью, переходящей в несобственно прямую, а вот слова некоей дамы, вещающей о высоких дарованиях автора дневника, – прямой речью. Из такого произвольного выбора типа передачи чужого высказывания можно сделать следующий вывод: М. Кузмин менее дорожит, менее доверяет В. Брюсову и пока не очень на него рассчитывает.

Постепенно М. Кузмин смещает фокус внимания на описание особенностей идиостиля В. Брюсова; уходит М. Кузмин и от прямолинейности в интерпретации его личности. В записях появляется оценка художественных произведений нового знакомого. Так, он сравнивает рассказ В. Брюсова «Республика Южного Креста» с рассказами Э. По: «Мне прислали “Весы”,

меня это очень приободрило. Бальмонт не лучше и не хуже, чем обычно, но рассказ Брюсова не уступает рассказам По, на которые он похож» [Кузмин 2000:110]; «Пришли при мне “Весы”, я читал **рецензии Брюсова на Городецкого, Блока, Иванова**, болтал всякий вздор, пил чай; <...> Ах, я так расстроен! Роман⁴ Брюсова **отличен**» [там же:336-337]; «<...> **читали Брюсова и письма Пушкина**. Когда-нибудь и наши письма и дневники будут иметь такую же незабываемую свежесть и жизненность, как все живое» (12.06.1907) [там же:370].

24 мая 1906 г. М. Кузмин пишет о чрезмерном «пушкинианстве и парнасстве» автора книги стихов «Στεφανοςζ» («Венок»): «Мы читали в ожидании (Иванова – А.Г.) “Στεφανοςζ”, которого я целиком не читал; там есть чудные вещи, но мне **несколько мешает слишком большое пушкинианство⁵ и парнасство**» [там же:155].

Из дневника М. Кузмина мы узнаем, что поэт так глубоко проник в творческую мастерскую В. Брюсова, что решил написать на его слова романс. Вот так приходишь на концерт, а тебе говорят: «Музыка М. Кузмина, слова В. Брюсова». «Написал романс на слова Брюсова и кончил цикл стихов XVIII века» (16.07.1907 г.) [там же:381].

М. Кузмина интересует практическая значимость знакомства с В. Брюсовым, в частности гонорар: «Юраша <...> показывал мне письмо от Брюсова, уклончивое и не внушающее доверия, всего ценнее там подробное указание на гонорар: за лист стихов 80 р., за лист прозы 75. Но ведь авансу нельзя попросить» (20.05.1906 г.) [там же:151].

---

⁴ Роман В. Брюсова «Огненный ангел».

⁵Любовь к новообразованиям от имен собственных является характерной чертой идиостилия М. Кузмина, ср. например, «сомовщина»: «Любовь к радугам и фейерверкам, к мелочам техники милых вещей, причесок, мод, камней, “сомовщина” мною овладела» [Кузмин 2000:378]. Лексема «пушкинианство» два раза встречается в «Дневнике 1934 г».

Анализ дневниковых записей позволяет сказать, что у М. Кузмина появляется психологическая зависимость от В. Брюсова. Начинаящего автора угнетает гордость и отдаленность В. Брюсова или, напротив, ободряет похвала: «от Брюсова письмо с **похвалой** “Эме”, оно меня очень ободрило» (30.05.1907 г.) [Кузмин 2000:366]. М. Кузмин записывает встречу с В. Брюсовым: «Встал поздно. Ходил в Сев<ерную>гостиницу к Брюсову, но он остановился не там; проехал к Ивановым, идущим от которых Брюсова встретил на Таврической. <...> **Читал стихи Брюсов, отличные и очень хорошо прочтенные.** Со мной был **очень холоден, горд и уклончив**, просил прислать прозу <...> Домой ехал под дождем; несмотря на Судейкина, что-то меня угнетает: безнадежное безденежье, какая-то холодность Сомова, *persiflages de Renouveau*, погода, гордость и отдаленность Брюсова – не знаю что. **Спал тревожно, ворочаясь и просыпаясь**» 28.10.1906 г. [там же:250-251]. М. Кузмин все-таки сомневается в искренности отношений с В. Брюсовым: «Зашел к Иванову, тот рассказывал про Москву, что “Крылья” займут весь № “Весов”, что Брюсов относится будто бы ко мне с **энтузиазмом**, вот чего я не думаю почему-то, хотя письма и поступки Вал<ерия> Яковл<евича> и доказывают это» (6 декабря) [там же:281]. М. Кузмин как будто боится своего счастья, ему не верится, что он стал вхож в литературные круги Петербурга и Москвы (ср. запись в дневнике: «Полагаться ли мне на Брюсова, и на Полякова, и на Москву?» [там же:315]). Теперь М. Кузмин ждет и собирает каждое слово, произнесенное В. Брюсовым в его адрес: «Феофилактов говорил, что <...> Поляков и Брюсов **мои наиболее верные и искренние поклонники**, что “Крылья”, вероятно, возможны отдельной книжкой, что там очень расположены ко мне и т. п.» (2.11.1906 г.) [там же:254]; «Мейерхольд говорит, будто Брюсов приписывает подписку большую на “Весы” в некоторой мере “Крыльям”. *Tant mieux*» (16.04.1907) [там же:348]; «Самое важное было то, что Фил<иппов> вынес впечатление от Брюсова **как благоволящего ко мне**» (13.07.1907 г.) [там же:380].

В. Брюсов не только печатал тексты М. Кузмина, но и охотно защищал его произведения от нападок – 28.06.1907 г.: «в “Утре” Брюсов <...> **защищал меня** и Гиппиус, не знаю, для чего, но важно то, что он считает себе выгодным роль защитника» [Кузмин 2000:375].

Тональность записей «Дневника 1934 года» резко отличается от предыдущих. Оценка событий более чем двадцатилетней давности оказалась отрезвляющей, отнюдь не восторженной... В памяти остались «легкость» Г. Иванова, так свойственная и М. Кузмину, и «дубоватость» В. Брюсова, у которого М. Кузмин, тем не менее, многому научился, критические замечания от которого помогли в становлении его как поэта. «С первого же моего прихода на Башню во время Сомовского сеанса вопрос о дружбе моей с Вяч.Ив. был решен. И его филологические восторги, и его творчество, его Гетеанство, его всегда блестящие спекулятивные построения, даже его капризность, обидчивость, вспышки гнева, где было немало наигранного, все мне нравилось. <...> **У Брюсова все это выходило более дубовато, да и на практике он стеснялся таких эксцессов**» (25-27 августа) [Кузмин 1998:92].

Обратимся к анализу другим типов текстов, которые позволяют дорисовать характер и описать развитие отношений В. Брюсова и М. Кузмина [Кузмин 2006:159-234]. Письма во многом формируют политически корректные отношения корреспондентов. М. Кузмин однозначно занимает позицию преданного ученика. Активно сомневающегося в своих успехах, ищущего поддержки, ждущего наставлений и даже «шпоры и узды». Конечно, особенность режима повествования переписки накладывает особые ограничения на проявления чувств.

Переписку я бы назвала «гламурной». Письма М. Кузмина балансируют на грани между искренностью, ролевой маской, литературным и риторическим мастерством, а также позволяют проявиться «политическому чутью» поэта. Не будем забывать, что письма В. Брюсова и М. Кузмина носят не только межличностный характер, но являются официальными документами редакции журнала и его автора; соответственно,

имеют и правоустанавливающий компонент. Часто в письмах цитируются отправления других участников редакции и сподвижников В. Брюсова (например, М. Ликиардопуло).

В переписке с В. Брюсовым М. Кузмин придерживается строгих правил эпистолярного этикета (выдерживается композиция письма, присутствуют формульные и стереотипные высказывания). Приветствие и заключение – важные элементы организации этого вида текста. Чем меньше личного компонента между адресатом и адресантом, тем более высоких и формальных обращений в вежливых приветствиях, которые разбавляются десемантизированными словами, такими как, например, «дорогой». Обращения – важный элемент оформления письма. Март 1906 г.: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич...; многоуважаемый и дорогой; глубокоуважаемый...; многоуважаемый и бесценный; дорогой и многоуважаемый; дорогой и бесценный...; дорогой и глубокоуважаемый...».

Заключительные формулы не менее показательны: «с истинным уважением Михаил Кузмин; душевно Ваш Мих. Кузмин; преданный сердечно М. Кузмин; с полной преданностью и любовью; благодарный и сердечно преданный; преданный и любящий Вас; любящий Вас очень; неизменно и нежно преданный Вам; искренне и всецело преданный; с полной преданностью и любовью; с искренней преданностью и любовью». М. Кузмин выдерживает дистанцию, выбирая форму обращения и форму подписи. У адресата называет полное имя отчество, а себя – только по имени.

Характер обращений с течением времени меняется на более непринужденный и дружественный: «Дорогой Валерий Яковлевич» (1909 г.). В Брюсову хватило одного года, чтобы поменять тип приветствия: «Многоуважаемый Михаил Александрович» – октябрь 1906 (с ошибкой в отчестве) – на «Дорогой Михаил Алексеевич!» – март 1907 г.

Отдельно остановимся на стилистических и риторических приемах письма М. Кузмина В. Брюсову от 17 июля 1907 г.: «Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич, беру смелость написать Вам не только искренне, но и откровенно, не только

откровенно, но и дружески. О, дружески, конечно, как Борганьоне к Винчи и даже более снизу вверх, но с нежностью, будто на минуту писанья заполняющею пропасть. Я осенью или зимой хотел бы написать “Путешествие” в стиле рассказов баснословных или *adventureux*, род, но другой, “Эме Лебефа”. Не позволите ли Вы мне думать при писании его, что я могу его Вам посвятить? Это была бы лучшая шпора и лучшая узда мне, и было бы, хотя неполное, бедное и слабое, выражение моей безусловной преданности к Вам. Посылаю Вам “Ракеты”, новые 9 стихотворений, Ваше мнение о которых мне бы крайне важно было знать. Если Вы найдете их достаточно удачными и если в “Весях” 1908 г. найдется место для моих стихов, то, м<ожет> б<ыть>, это и могут быть “Ракеты”? С полной преданностью М. Кузмин» [Кузмин 2006:173-174]. Каждое предложение в теле данного письма – пример для учебника риторики, причем, не всегда положительный. А) «Беру смелость...» – уничижительное начало, умаляющее способности и возможности адресанта, автоматически повышает статус адресата. Б) «написать Вам не только искренне...» – использует стилистический прием градации. М. Кузмин выстраивает цепочку: *искренне – откровенно – дружески*. Т.е. все-таки поднимает себя до адресата. Но этого недостаточно! М. Кузмин убаюкивает своего корреспондента на волнах риторики. Градус сравнений возрастает. М. Кузмин уточняет свои положения, ссылаясь на авторитет Леонардо да Винчи, открыто не называя себя учеником, но сравнивая себя с возможным учеником Винчи – Борганьоне. И этот намек доставляет отношения на гребень художественного влияния гения Возрождения, одного из крупнейших представителей искусства, яркого примера «универсального человека» – Винчи (читай – В. Брюсова). В) «О, дружески, конечно, как Борганьоне к Винчи...» – и опять градация, как будто основанная на современных знаниях социолингвистики. И тут фантастически пластичная метафора: «нежность, в минуту писанья заполняющая пропасть»! Нежность становится невидимым мостом, закрывающим пропасть отношений. Уникальная для М. Кузмина метафора *нежность* –

мост. То есть, он говорит, что, вообще-то, как ученик не имеет права стоять рядом, но только в данную минуту написания: чувство нежности заполняет пропасть, разделяющую корреспондентов. М. Кузмин проявляет чудеса риторической эквилибристики, которые должен был оценить В. Брюсов. Г) «Не позволите ли Вы мне думать...» – опять в манере умаления своих возможностей, просьба, все-таки несколько странная – посвятить еще ненаписанный текст. Д) «Это была бы лучшая шпора и лучшая узда мне...» – градация, однородные определения, содержащие противопоставление: *бедное выражение – безусловная преданность*. Обогащает канцелярскую лексику метафорами *шпора, узда* – относящимися к сфере иппологии.

Анализ риторической и семантической структуры письма позволяет сказать, что М. Кузмин хорошо понимал и учитывал основные психологические особенности адресата, а также хорошо разбирался в политической обстановке внутри литературной журнальной среды. В. Брюсов ждал безусловного подчинения и преданности от своих авторов, не позволяя печататься в других изданиях.

Обратимся к следующему варианту творческого взаимодействия В. Брюсова и М. Кузмина: обмену акростихами. Акростих В. Брюсова «М.А. Кузмину» (1908) стал ответным подарком на акростих М. Кузмина. В. Брюсов трезво оценивал творческое разнообразие поэта и в другом четверостишии (1913 г.) иронично отмечал «двойственность» его личности:

Что в легкомыслии есть мудрость,
В поверхностности – глубина,
Доказывает чернокудрость
Нам Михаила Кузмина.

[Кузмин 2007:40]

Обмен акростихами вызвал критическую реплику некоего Л. Мовича [Образование. 1909. №5], осуждавшего обмен сонетами как вид «рекламы». В. Брюсов ответил Л. Мовичу заметкой «О дикарях», в которой писал: «М. Кузмин сделал мне драгоценный подарок: посвятил мне свою повесть “Подвиги Александра” <...>» [Брюсов 1909:87]. Параллель между

В. Брюсовым и Александром Македонским (подразумевающая, что В. Брюсов является признанным вождем русского символизма) подкрепляется тем, что В. Брюсовым написано стихотворение «Александр Великий» (1899) [Кузмин 1990:556].

М. Кузмин не просчитался, выбрав «фоном» для посвящения В. Брюсову фигуру Александра Македонского. Организатор, завоеватель, победитель – это все можно отнести и к жизни и творчеству В. Брюсова. Сравним цитату из автобиографической повести последнего: «Кажется, родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенным человеком. По крайней мере, у меня самого было почему-то такое убеждение. Я с самых первых лет привык смотреть на сверстников свысока» [Брюсов 2002:187].

Без сомнения, фигура Александра подходит для описания В. Брюсова больше, чем уже используемый образ Леонардо да Винчи (см. выше анализ письма). Как заметили комментаторы сборника М. Кузмина 1990 г., у В. Брюсова было стихотворение, посвященное Александру, но навряд ли М. Кузмин ориентировался на это произведение поэта. Просто фигура, выбранная для своего романа, удачно совпала с образом В. Брюсова, а желание поставить в верхнем левом углу фразу «посвящено такому-то» было преобразовано в стихотворную форму акростиха-сонета:

Валы стремят свой яростный прибор,
А скалы все стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо,
Едва ли кто ему прикажет: «Стой!» <...>

[Кузмин 1990:126]

Сонет-акростих В. Брюсова не имеет исторических ассоциаций, а построен на прекрасном знании поэтического творчества М. Кузмина. Основная проблема, поднимаемая В. Брюсовым, это проблема поэта: отразить мир, объяснить задачи и предмет искусства, найти главные смыслы в жизни и творчестве посвящаемого. Одновременно В. Брюсов использует характерные для М. Кузмина фонетические и грамматические формулы – звукопись: *пламенный и пленный; мелькают лики;*

мгновенья льются; обилие однородных членов, употребление глаголов в настоящем времени (за небольшим исключением).

В. Брюсов тонко подметил «ключевые» темы и характерную для последующего творчества лексику М. Кузмина: «Искусство – радугой висит» [Брюсов 1973:541]: ср. у М. Кузмина: «И радугой расходятся слова» [Кузмин 1990:293]; «Любовь и негу славит» [Брюсов 1973:541] – у М. Кузмина: «Ты радость мне несешь и свет» [Кузмин 2006:45]; «звучит напевный гимн в тиши вечерней» [Брюсов 1973:541] – у М. Кузмина: «Кого прославлю в тихом гимне я?» [Кузмин 1990:98].

Мгновенья льются, как поток бессменный,

Искусство – радугой висит над ним.

Храни, храни, под ветром мировым,

Алтарь своей мечты, огонь священный! <...>

[Кузмин 2007:39]

На вопрос, кто такой настоящий поэт, М. Кузмин отвечает в статье-некрологе⁶ «Валерий Брюсов» (1924). В год смерти В. Брюсова М. Кузмин написал статью, посвященную жизни и творчеству В. Брюсова. Вольно или невольно М. Кузмин «фотографирует» или стилизует структуру заметки В. Брюсова на книгу «Сети». У М. Кузмина – цитата из стихотворения А. Пушкина «Эхо»; у В. Брюсова – из поэмы «Евгений Онегин».

Первый тезис М. Кузмина: путь В. Брюсова равен пути идеального поэта – поэта как выразителя общественной жизни. Далее М. Кузмин уточняет, что таков идеальный поэт только с точки зрения В. Брюсова, который слишком однозначно понял А. Пушкина. И поэтому конфликт между общественным и частным решается только в пользу общественного. В. Брюсов – поэт без неожиданностей; ему не свойственно учитывать «личное влечение, желание, бессознательные капризы» – это второй тезис: у В. Брюсова все закономерно и планомерно. Путь поэта М. Кузмин четко прописывает, утверждая, что он основан на

---

⁶ Краткий некролог: М. Кузмин. Некролог. <Памяти В.Я. Брюсова> // «Красная Газета 2». 1924. 10 октября. №231 (621). С.2.

Мы подробно останавливаемся на публикации: М. Кузмин. Валерий Брюсов // Жизнь искусства. 1924. №43. С.2-3.

сознательности и известном рационализме: «Реакция против умирающего натурализма, индивидуализм, магия, / символизм, европеизм, универсальность, создание школы / преодоление символизма, акмеизм / формальные искания, футуризм, / возвращение к матерьялу, / материализм, общественность, / коммунизм, универсальность, создание школы» [Кузмин 1924:3]. Схема получилась «обидная», как считает сам М. Кузмин. Но «Брюсов сохранил <...> свое лицо!» [там же] – хоть одна положительная характеристика! М. Кузмин находит пафос В. Брюсова: «Пафос этот был – упоение, наивное и подлинное текущим моментом и положением, которое в нем занимает поэт. <...> Пафос общественной современности главная страсть Брюсова. <...> Он упоен, что течет как светило, что путь его совпадает с судьбами вообще всякой литературы. Никакого желания скачков в сторону не приходит в голову, если только скачки в сторону не являются показательными для очередного направления» [там же].

Таким образом, мы проследили эволюцию отношений В. Брюсова и М. Кузмина, которая отразилась в текстах разных типов: дневник, переписка, стихи и некролог. М. Кузмин многому научился у «старшего» товарища. Владение формой и способность стилизации – один из результатов взаимодействия двух творческих личностей⁷. Однако, надо признать, что во многом эти отношения имели формально-вынужденный характер. Деловая переписка прекратилась еще до 1917 г. и не переросла в дружескую. М. Кузмин и В. Брюсов встречались только на страницах альманахов современной прозы. В своих критических работах М. Кузмин не упоминал работы В. Брюсова; В. Брюсов не вспоминал о М. Кузмине. Среди других причин можно назвать разный пафос творчества поэтов. «Изыщество – вот пафос поэзии Кузмина» [Брюсов 1990:379]; «Пафос общественной современности главная страсть Брюсова» [Кузмин 1924:3].

---

⁷ Заметим, что М. Кузмин все-таки стал автором литературного направления, против которых он всегда выступал: эмоционализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма М., 2002.
2. Брюсов В.Я. О дикарях // Весы. 1909. №6.
3. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.1. М., 1973.
4. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894-1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.
5. Кузмин М. В. Брюсов // Жизнь искусства. 1924. №43. Эл.ресурс: http://www.russianresources.lt/archive/Briusov/Briusov_5.html, 27.10.2018.
6. Кузмин М.А. Венок Поэту. СПб., 2007.
7. Кузмин М.А. Дневник 1905-1907. СПб., 2000.
8. Кузмин М.А. Дневник 1934 г. СПб., 1998.
9. Кузмин М.А. Избранные произведения Л., 1990.
10. Кузмин М.А. Стихотворения. Из переписки. М., 2006.

ANNA GIK – STYLISTIC AND LINGUISTIC PECULIARITIES OF MIKHAIL KUZMIN'S WORKS ABOUT VALERY BRUSOV

The research tasks: the comparison of language structures for texts describing the stages of Silver Age poets interactions; specifics of narration modes in diary, epistolary and critical discourses. The research material are Mikhail Kuzmin's diary records; correspondence between Valery Brusov and Mikhail Kuzmin; poetic messages in the form of acrostics; Valery Brusov obituary.